

УДК 94(470+571)

«ВОСПИТАНИЕ В ДУХЕ ВЕРЫ» — ОТРАЖЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ АККУЛЬТУРАЦИИ В «ПОЛОЖЕНИИ О ПРИЮТЕ ДЛЯ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, ЧТО ПРИ КНЯЗЕ-МИХАЙЛОВСКОМ БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОМ МИССИОНЕРСКОМ СТАНЕ»

Баатр Викторович Очиров

Ассистент кафедры истории России, документоведения и архивоведения
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
E-mail: ochirov.baatr@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В настоящем исследовании впервые представлен правительственный документ «Положение о приюте для малолетних детей, что при Князе-Михайловском Большедербетовском миссионерском стане». Рассматриваемый нами источник посвящен теме миссионерства и просвещения на территории Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в конце XIX века. Актуальность настоящего исследования представляется в том, что конкретное изучение подобных материалов позволяет увидеть и осмыслить основные цели имперской политики по приобщению калмыков к православию и распространению среди них грамотности. Для раскрытия поставленных в исследовании задач нами в указанном документе подробно рассмотрены организационные моменты, связанные с устройством учебного и воспитательного процесса в создаваемом приюте для малолетних детей в Большедербетовском улусе. Как вытекает из Положения, управление данного приюта предполагалось осуществлять представителями духовенства и гражданскими чиновниками. При этом с достаточной четкостью регламентировались и разграничивались их основные функции: гражданским чиновникам в основном вменялось решение организационных вопросов, а духовным лицам — задач учебно-воспитательного процесса. По условиям Положения, в приют принимались дети калмыков (крещеные и некрещеные), а также русские дети. В целом данный документ представляет собой наглядный пример отражения имперской политики аккультурации инородцев на окраинах Российской империи посредством приобщения калмыков к православию и последующего их просвещения.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Большедербетовский улус, приют, калмыки, православие, миссионерство.

UDC 94(470+571)

“EDUCATION IN THE SPIRIT OF FAITH”: A REFLECTION OF THE IMPERIAL POLICY OF ACCULTURATION IN THE “REGULATIONS ON THE SHELTER FOR YOUNG CHILDREN AT THE PRINCELY-MIKHAILOVSKY BOLSHEDERBETOVSKY MISSIONARY CAMP”

Baatr V. Ochirov

Assistant of the Department of Russian History, Documentation and Archival Science
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

E-mail: ochirov.baatr@yandex.ru

Abstract

This study presents for the first time the document “Regulations on the shelter for young children at the Princely-Mikhailovsky Bolshederbetovsky missionary camp”. This source is devoted to the topic of missionary work and education on the territory of the Bolshederbetovsky ulus of the Stavropol province at the end of the 19th century. The scientific article presents the full content of this Regulation. The relevance of this work is that a visual study of such materials allows us to see in detail the main goals and objectives of the imperial policy in matters of introducing Kalmyks to Orthodoxy and spreading literacy among them. The Regulation also examines in detail all organizational aspects related to the organization of the educational and upbringing process. From the document, we can learn that the management of this shelter was carried out by representatives of the clergy and civil servants. It is worth noting that the functions of civil servants mainly included organizational tasks, while the clergy monitored the educational and upbringing process. According to the terms of the Regulation, Kalmyk children (baptized and unbaptized), as well as Russian children, were accepted to the shelter. Overall, this document is a clear example of the reflection of the imperial policy of acculturation of non-Slavic people on the outskirts of the Russian Empire through the introduction of Kalmyks to Orthodoxy and their subsequent education.

Key words

Bolshederbetovsky ulus, shelter, Kalmyks, Orthodoxy, missionary work.

ВВЕДЕНИЕ

С середины XIX в. в царской России стала ускоренно проводиться «имперская политика аккультурации», которую, по мнению С.В. Любичанковского, «можно определить как культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью» (Имперская политика ..., 2019: 76). Данная политика в самом общем виде выразилась в процессе трансформации инородческого общества, конечной целью которого являлась ассимиляция инородческого населения в единое общероссийское экономическое и культурное пространство. Калмыки, как и другие многие народы неславянского происхождения, в XIX веке обозначались понятием «инородцы». Это определение также вбирало в себя содержание обозначения неправославного населения Российской империи. Однако в законодательстве XIX века этот термин являлся нейтральным, без какого-либо негативного значения.

В ходе проведения «имперской политики аккультурации» в калмыцком обществе стали происходить духовные и общественные трансформации, которые в последующем некоторым образом изменили традиционный облик и духовный «код» степняков. Государственная власть в целях ускоренного решения задачи приобщения калмыцкого населения к православной вере предложила степнякам различного рода преференции. Так, согласно Положению об управлении калмыцким народом 1847 года, калмыкам, принимавшим христианство для хозяйственного обзаведения, из казны отпускалось 15 рублей серебром для семейного и 8 рублей серебром для холостого. При переходе в православие целых аймаков или хотонов, им отводился «участок в том количестве, какое причтется по соразмерности с числом их семейств против всего числа кибиток бывшего их улуса» (Положение..., 1847: 352).

Ускоренное приобщение калмыков к православию и просвещению не ограничивалось просто принятием новой религии и получением минимального образования в специальных социальных и учебных учреждениях, а являлось частью более обширной имперской политики, предполагавшей постепенный переход кочевников на оседлый образ жизни, а вместе с ним и приобщение к земледелию. Скажем, что духовно-культурная трансформация степняков решалась, в том числе, посредством организации миссионерских станов на территории Калмыцкой степи. Миссионерские миссии в первую очередь были заинтересованы в принятии калмыками православия, вспомогательным элементом в данном процессе выступало обучение калмыцких детей русской грамоте и письму, что позволяло снимать языковые барьеры в отношениях между миссионерами и неграмотными кочевниками. Миссионерство считалось позитивным культурным влиянием передовой русской нации на отсталый, по мнению властей, степной народ.

Следует сказать, что тема миссионерства среди инородческого населения Российской империи в целом представляет собой достаточную актуальность на современном этапе. Изучение прошлого опыта мирного сотрудничества и религиозно-культурного взаимопринятия в настоящее время в условиях российского полиэтнического и поликонфессионального пространства, поиска путей диалога культур и религиозных верований является необходимым элементом для укрепления межнационального согласия и межкультурных связей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе анализируется «Положение о приюте для малолетних детей, что при Князе-Михайловском Большедербетовском миссионерском стане» — государственный акт царской власти по организации миссионерской деятельности в одном из кочевых калмыцких улусов, выступающий объектом и предметом настоящего исследования. Источником настоящей статьи стал документ, хранящийся в государственном архиве Ставропольского края. В фонде 249 описи 2, в документе № 1326 под названием «Учреждение приюта в Князе-Михайловском поселке» было вшито «Положение о приюте для малолетних детей, что при Князе-Михайловском Большедербетовском миссионерском стане», которое было напечатано в Типографии Т.М. Тимофеева в 1895 году. Точное количество экземпляров неизвестно. Но из данного дела известно, что Ставропольская духовная консистория направила 10 экземпляров главному приставу кочующих народов. Данное исследование осуществлено на основе метода системного анализа, принципов историзма и всесторонности изучения исторического источника.

ОБСУЖДЕНИЕ

В имперской историографии, авторы работ, являясь современниками событий, были непосредственными очевидцами жизни калмыцкого кочевого общества в исследуемый период. Так, миссионер Н.В. Львовский (иеромонах Мефодий) в своем труде рассматривал историю происхождения калмыков, статистические сведения о Большедербетовском улусе, хозяйство, культуру калмыков данного улуса, а также миссионерскую деятельность священников среди них (Львовский, 1894). Труд Я.П. Дубровы, который состоял в должности попечителя Большедербетовского улуса, посвящен теме быта калмыков данного улуса, содержит информацию о взаимоотношениях калмыков с крестьянами и об устройстве поселка «Князе-Михайловск» (Дуброва, 1898).

Отечественная историография современного периода представлена рядом работ, в которых достаточно подробно и объемно раскрывается тема миссионерства и христианизации калмыков, роль крестьян-переселенцев в миссионерской деятельности (Белоусов, 2019; Белоусов, 2022; Бадмаева, 2016; Орлова, 2006; Орлова, 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Российская империя в конце XIX века представляла собой государство с многонациональной и многоконфессиональной структурой. Этническое разнообразие, культурные и конфессиональные отличия народов являлись характерной чертой Юга Российской империи, население которого переживало сложные катаклизмы в хозяйственной и духовной жизни. Миссионерские станы на территории Большедербетовского улуса Ставропольской губернии возникли после открытия в 1889 г. Ставропольского епархиального комитета Православного миссионерского общества (Белоусов, 2019: 7). Рассмотрим вкратце историю поселения «Князе-Михайловск», которое образовалось в конце 1880-х гг.

13-14 мая 1889 года епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир лично крестил в Большедербетовском улусе 14 калмыцких семей (52 человека), для которых было отведено поселение, получившее название «Князе-Михайловск». По данным отчета за 1899 год, в поселке имелась одна православная церковь крещеных калмыков и состоящий при ней причт из священника-миссионера и псаломщика. Также в поселении имелась одна церковно-приходская школа (НА РК, Ф.И-21, Оп.1, Д.157, Л.2, 4об.).

Для более действенного приобщения калмыков к православию Ставропольский епархиальный комитет организовал приют для малолетних детей при Князе-Михайловском Большедербетовском миссионерском стане. Преосвященный Агафодор, епископ Ставропольский и Екатеринодарский, в отзыве от 31 августа 1894 года на имя ставропольского губернатора отмечал, что нашел бы «полезным учреждение в Князе-Михайловском поселке приюта для детей согласно выработанному Положению...» (ГАСК, Ф. 249, Оп. 2, Д. 1326, Л. 2-2об.). Само же Положение об указанном приюте было утверждено 31 марта 1895 года. Таким образом, наличие в Князе-Михайловске церкви, православного духовенства позволило организовать приют, инициатором которого стали именно священнослужители, тем самым придав приюту миссионерский характер. Имевшаяся в поселке церковно-приходская школа способствовала организации в приюте учебной и воспитательной работы.

Надо сказать, что в Калмыцкой степи подобные указанному приюту социальные и образовательные учреждения с целью приобщения калмыков к православию и русской грамоте организовывались и ранее. Достаточно вспомнить открытое в 1732 г. при астраханском Иоанно-Предтеченском монастыре училище для обучения калмыцких и русских детей грамоте (Астраханская семинария..., 1877). К 1910 году, в частности, в астраханской епархии благодаря активной деятельности Епархиального комитета миссионерского общества была создана система миссионерских школ, где обучались, в том числе, дети из калмыцких семей. Впоследствии миссионерские станы и школы открывались в других улусах Калмыцкой степи.

Теперь остановимся более подробно на основных положениях рассматриваемого нами документа. В начале в нем речь идет о целях и условиях приема детей в приют. Отмечается, что «учрежденный при Князе-Михайловском Большедербетовском миссионерском стане детский приют имеет характер и направление заведения учебно-воспитательного» (ГАСК. Ф. 249, Оп. 2, Д. 1326, Л. 14). Цель учреждения приюта: «а) призрение малолетних сирот, как крещеных, так и некрещеных калмыков улуса; б) удаление малолетних детей от худых, порочных родителей, уже крещеных и в) обучение грамоте, воспитание в духе веры, приучение детей к трудам и полезным в жизни занятиям. В примечании особо оговаривается: «Дети некрещеных калмыков, не сироты, а имеющие родителей, также могут быть принимаемы в приют, но с платою. На тех же условиях принимаются русские дети» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2, Д.1326, Л.14). «В приют дети принимаются обоего пола в возрасте от 3 лет и остаются в нем до 14-летнего возраста». В примечании говорится: «Достигшие предельного возраста дети не лишаются права посещать мастерскую приюта и по выходе из него» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1326. Л.14).

Далее в вышеозначенном документе расписываются права и обязанности специально организованного для управления приютом Хозяйственного комитета и должностных лиц учреждения. В пп. 4, 5 сказано: «4) Делами приюта управляет

существующий в поселке крещеных калмыков хозяйственный комитет, в состав коего входит миссионер со своими сотрудниками, за исключением псаломщика. 5) На комитет возлагаются все хозяйственные заботы по приюту. В частности он: а) заботится о помещении приюта, содержании детей пищей, одеждой, по особому расписанию, утвержденному главным приставом; б) определяет число пансионеров, производит прием детей и устрояет [*устраивает* — Б.О.] оставшихся в приюте по достижению установленных лет; в) определяет плату за право проживания в приюте детей некрещеных калмыков, имеющих состоятельных родителей, а также русских; г) по мере средств и с ведома главного пристава и утверждения Начальника губернии озабочивается открытием мастерских, снабжением их всем необходимым, наймом мастеров-учителей, приобретением огородных и садовых орудий и т.п.; д) определяет род мастерства, которому более сподручно и пригодно обучить детей, указывает хозяйственные работы, удобоисполняемые детьми; е) следить за исполнением своих обязанностей вольнонаемными лицами — мастерами, надзирателями, прислугой; определение же и увольнение их зависит от главного пристава; ж) он (комитет) получает, хранит и расходует все средства, какие поступают на содержание приюта, ведет денежную отчетность, составляет отчеты, сметы, представляет их по принадлежности и т.п. Примечание. Смета по содержанию приюта составляется комитетом заблаговременно на предыдущий год и представляется, чрез главного пристава на утверждение Начальника губернии не позже 15 ноября» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1326. Л. 14–14об.).

Подробно и отдельными пунктами описываются должностные обязанности учителей, священников, миссионеров, являющихся основными субъектами учебно-воспитательного процесса в детском приюте. На это в Положении имеются прямые отсылки: «8) Учебно-воспитательная часть приюта со школой возлагается на попечение миссионера стана и его сотрудников — священника, учителя и других лиц. Высшее наблюдение за обучением и воспитанием детей принадлежит Епархиальному Архиерею, Начальнику губернии и Главному Приставу. В частности, на миссионере лежат следующие обязанности:

9) По школе он заведует оной и направляет обучение так, чтобы школьные занятия — в мастерских, в огородах, в поле, и чтобы дети получали, возможно, больше полезных знаний для жизни. А для этого школьный курс, может быть, растянут на все время пребывания детей в приюте до 14 лет.

10) Миссионер со своими сотрудниками составляет расписание занятий детей в школе и определяет время для занятий хозяйственных и в мастерских. Примечание. Школьные занятия могут быть сокращаемы и увеличиваемы, смотря по времени года и нужде. Так при полевых и огородных работах их должно сократить, а в зимнее время увеличить.

11) Он, а также попечитель улуса следят, чтобы расписание дневных занятий и работ выполнялось в точности со стороны лиц, руководящих делом, а равно и за благоведением сих лиц вообще.

12) Он и попечитель улуса обязательно требует, чтобы дети начинали и оканчивали день молитвой, а в праздники и дни воскресные непременно были в храме Божиим, по возможности при всех службах; приучались чтению и пению на клиросе под руководством учителя или псаломщика.

13) Он (миссионер) принимает все меры исправления детей порочных, действуя силой нравственного влияния, путем вразумлений и убеждений; под его руководством дети приучаются исполнению уставов церковных и христианской жизни.

14) Миссионер следит за своими сотрудниками, а также мастерами, надзирателями и другими лицами, чтобы они также не употребляли наказаний излишне строгих, а тем более унижительных и жестоких, не допускаемых в народных школах.

15) Миссионер и попечитель улуса наблюдают, чтобы мальчики и девочки жили в разных помещениях и в ночное время при них находился безотлучно кто-либо из благонадежных взрослых.

16) Миссионер докладывает комитету обо всех нуждах приюта и призреваемых, а в случае неудовлетворения их доносит епархиальному Епископу и главному приставу.

17) По истечении года, в январе месяце, он представляет местному Епископу и главному приставу обстоятельный отчет о состоянии приюта и школы, где прописывает подробно о благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах, о мерах к лучшей постановке того или другого дела и т.п. Он же аттестует и всех своих сотрудников — священника, учителя и псаломщика.

18) На время своих поездок миссионерский надзор за приютом он поручает священнику и по возвращении требует от него отчет.

19) Учитель школы, кроме свои обязанностей, должен быть деятельным помощником миссионеру в воспитании детей, в приучении их к добру и труду, а потому он должен быть и воспитателем.

20) Кроме неупустительного посещения уроков в назначенные по расписанию часы, он должен быть всюду, где дети — в огороде, на пашне, в мастерских. В надзоре за детьми он руководствуется сим положением и указанием попечителя улуса и миссионера.

21) В облегчении учителя-воспитателя может быть назначен помощник, с которым он и распределяет дневной присмотр за детьми, но главная ответственность все же должна лежать на учителе, не обремененном продолжительными школьными трудами.

22) На обязанности лиц, присматривающих за порядком в ночное время, лежит приучение детей к чистоте и опрятности в одежде, в содержание постели, комнаты; они же приучают детей (особенно девочек) к другим домашним работам — починке одежды, стирке белья, мытью полов, помощи на кухне, прислуживают во время обеда, уборке посуды и т.п.

23) Все благонадежные лица, имеющие ближайшее отношение к детям, увольняются (кроме духовных), по представлению комитета, главным приставом.

24) Необходимые изменения и дополнения сего положения по указаниям времени и опыта производятся не иначе, как с ведома главного пристава и епархиальной Власти, с согласия Начальника губернии. Примечание. Отчетность по комитету и приюту ведется по прилагаемым формам. Формы эти: счет в расходовании денег, расписание обмундирования воспитанников и воспитанниц приюта и материальная книга на записку имущества приюта» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1326, Л. 14об.–16).

Что касается прилагаемых форм отчетности, то в архивном документе имеется в рукописном виде список вещей, полагававшихся воспитанникам детского приюта (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Список вещей, полагающихся воспитаннику приюта
Князе-Михайловского поселка в Большедербетовском улусе
(ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1326. Л. 7об.–8)**

№	На одного воспитанника	Число вещей	Срок службы
1.	Бешмет (из них один ватный)	2	3 года
2.	Фуражка	1	1 год
3.	Блуза с брюками	2	
4.	Суконный жилет	1	
5.	Галстук	1	
6.	Белье (пара)	3	
7.	Портянка	3	
8.	Сапоги (пара)	2	
9.	Полотенца	3	
10.	Платков носовых	6	
11.	Простыни	2	
12.	Наволочки	2	
13.	Одеяло	1	3 года
14.	Матрац	1	
15.	Подушка	1	5 лет

Таблица 2

№	На одну воспитанницу	Число вещей	Срок службы
1.	Платье ситцевое	3	1 год
2.	Платок головной	3	1 год
3.	Платок носовой	6	
4.	Кофта летняя	1	
5.	Кофта зимняя	1	
6.	Зимнее пальто	1	3 года
7.	Рубаха	3	1 год
8.	Юбка	3	
9.	Чулки	3	
10.	Полотенца	3	
11.	Простыни	2	
12.	Наволочки	2	
13.	Одеяло	1	3 года
14.	Матрац	1	
15.	Подушка	1	5 лет

Как видим из указанных таблиц, заложенное в Положении материальное обеспечение воспитанников приюта должно было обеспечить полноценное проживание детей, включая одежду, постельное белье и предметы первой необходимости. Из Положения видно, что жизнь детей приюта выстраивалась вокруг учебных занятий (за партой и в мастерских), соответствовала правилам общепринятого школьного этикета. Главным элементом всей учебно-воспитательной системы в приюте все же было православное вероисповедание. Религиозное просвещение было не просто частью

учебно-воспитательного процесса, вполне естественно, что оно как бы пронизывало все аспекты жизни детей, став фундаментальной основой их воспитания и образования. Можно согласиться с мнением А.А. Насонова, что «стратегически руководство православных миссий было не заинтересовано в любом искаженном восприятии христианских постулатов, и механизм распространения данного учения не допускал формирования его вольных вариаций» (Имперская политика ..., 2019: 342).

Стоит отметить, что непосредственное участие в деятельности приюта из числа гражданских чиновников принимал лишь попечитель Большедербетовского улуса. В функции главного пристава кочующих народов входили контроль, утверждение и наблюдение за деятельностью приюта. Главный пристав был, по сути, связующим звеном между комитетом приюта и губернской епархией и администрацией. Вся непосредственная организация учебного процесса возлагалась на хозяйственный комитет во главе с миссионером. Комитет формировал учебные планы, формат воспитания, контроль над обучением и воспитанием детей в приюте. Миссионер, как видно из пункта 17, должен был предоставлять местному епископу и главному приставу подробный отчет о функционировании приюта. Он и попечитель улуса должны были следить за занятиями, раздельным проживанием мальчиков и девочек, а также контролировать религиозное воспитание детей (чтение молитв, посещение церкви и пр.). Вменение контролирующих функций попечителю, скорее всего, объясняется тем, что он, как главное должностное лицо в улусе, должен был держать на контроле в первую очередь и именно религиозное воспитание, чтобы иметь наиболее полное представление об уровне и темпе христианизации детей-калмыков в приюте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Положение о приюте для малолетних детей в поселке Князе-Михайловск Большедербетовского улуса демонстрирует скрупулезность и детальную точность в отношении организации в нем учебно-воспитательного процесса, важность и значимость миссионерской деятельности в таком глухом и отдаленном регионе Российской империи, как Калмыцкая степь.

Данное Положение представляет собой примечательный пример так называемой «мягкой силы» имперских властей по приобщению калмыков посредством православной веры к культурным традициям Российского государства. Такие духовные форпосты, как миссионерские станы с религиозными школами, по мнению властей, были необходимы на обширном степном пространстве Юга России. Они играли роль своеобразного транслятора ценностей господствующей в империи православной веры и верноподданнических идей в дикое общество «язычников», «идолопоклонников» (как порой обозначали инородцев в документах современники, что ни в коем случае не носило негативного подтекста).

Если говорить в целом о процессе христианизации калмыков в дореволюционное время, то надо отметить, что переход части этноса в православие был обусловлен иногда чисто прагматическими целями, носил в большинстве случаев формальный характер, так как степняки на глубинном духовном уровне оставались верны прежней вере, которую столетиями исповедовали их предки — буддизму.

Безусловно, обучение части детей калмыков в открытых до революции миссионерских школах способствовало получение ими азов русской грамоты, однако процент грамотности населения в Калмыцкой степи в дореволюционный период находился на низком уровне.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого кочевого общества в составе дореволюционной России», <https://rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Литература

- Астраханская семинария тридцатых годов (воспоминания бывшего семинариста) (1877). *Церковно-общественный вестник*. 6. 4–6; 5. 4–5; 7. 5–6; 8. 6.
- Бадмаева, Е. Н. (2016). Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX–первой половине XX вв. *Былые годы*. 42(4). 1173–1181.
- Белоусов, С. С. (2019). Русские переселенцы на калмыцкие земли и их использование Русской православной церковью как средства христианизации калмыков (последняя треть XIX — начало XX веков). *Новый исторический вестник*. 4(62). 6–21.
- Белоусов, С. С. (2022). *Государственная переселенческая политика в Северном Прикаспии в XVIII — начале XX в.* Элиста: Калмыцкий научный центр РАН.
- Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).*
- Дуброва, Я. П. (1898) *Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года*. Казань: Типо-литография Императорского Университета.
- Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи)* (2019). Оренбург: Издательский центр ОГАУ.
- Львовский, Н. В. (1894). *Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии: монография*. Казань: Типо-Литография Императорского Университета.
- Любушкина, Е. Ю. (2017). Миссионерская деятельность на Ставрополье во второй половине XIX–начале XX вв. *Гуманитарные и юридические исследования*. 4. 81–86.
- Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК).*
- Орлова, К. В. (2006). *История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в.* Москва: Восточная литература.
- Орлова, К. В. (2018). «Крещенные живут по-прежнему, по-калмыцки»: к вопросу о конфессиональной идентичности крещеных калмыков. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 11. (35). 31–35.
- Положение об управлении калмыцким народом (1847). *Полное собрание законов Российской империи*. II собрание. XXII. 21144. 349–372.

References

- Astrakhan Seminary of the Thirties (recollections of a former seminarian) (1877). *Church and Social Bulletin*. 6. 4–6; 5. 4–5; 7. 5–6; 8. 6.

Badmaeva, E.N. (2016) The peasant-migrants from the land-poor Russian regions in Kalmykia in the XIX–the first half of XX centuries. *Bylye Gody*. 42(4). 1173–1181 (in Russian).

Belousov, S.S. (2019) Russian settlers to Kalmyk lands and their use by the Russian Orthodox Church as a means of Christianization of Kalmyks (last third of the 19th — early 20th century). *New Historical Bulletin*. 4(62). 6–21 (in Russian).

Belousov, S.S. (2022) *State resettlement policy in the Northern Caspian region in the 18th–early 20th centuries*. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dubrova, Ya.P. (1898) *Everyday life of the Kalmyks of the Stavropol province before the publication of the law of 1892*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University. (in Russian).

Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire) (2019). Orenburg: Publishing center of OGAU (in Russian).

Lvovsky, N.V. (1894) *Kalmyks of the Bolshederbetovsky Ulus of the Stavropol Province: monograph*. Kazan: Typo-Lithography of the Imperial University.

Lyubushkina, E. Yu. (2017) Missionary activity in Stavropol in the second half of the 19th–early 20th centuries. *Humanitarian and legal Studies*. 4. 81–86.

National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK).

Orlova, K.V. (2006) *History of Christianization of Kalmyks: mid-17th — early 20th century*. Moscow: Eastern Literature (in Russian).

Orlova, K.V. (2018) “The baptized live as before, in the Kalmyk way”: on the issue of the confessional identity of baptized Kalmyks. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. 11. 1(35). 31–35. (in Russian).

Regulations on the governance of the Kalmyk people (1847). *Complete collection of laws of the Russian Empire. II collection*. XXII. 21144. 349–372. (in Russian).

State Archives of Stavropol Krai (GASK).